

Игорь Шестков "Шарманщик на улице Архимеда"

ШАРМАНЩИК НА УЛИЦЕ АРХИМЕДА

Феликс Нуссбаум (1904-1944) был немецким художником еврейского происхождения.

Родился и вырос в Оснабрюке, с девятнадцатилетнего возраста жил в Берлине, учился там живописи и прикладному искусству. В начале тридцатых годов добился определенных успехов – о нем писали, его хвалили, выставляли, покупали. В октябре 1932 года Нуссбаум – гость, позже стипендиат на вилле Массимо в Риме. После отчисления оттуда Нуссбаум не возвращается на родину, где уже правят бал национал-социалисты. Начинается изгнание.

Феликс Нуссбаум скитался по Италии, побывал в Монте-Карло, Париже, Остенде, осел в Брюсселе, откуда в 1940 году, незадолго до занятия Брюсселя немецкими войсками, был отправлен в лагерь Сант-Кюприен. Через три месяца Нуссбауму удалось вернуться в Брюссель. Последние четыре года художник жил под постоянной угрозой ареста и депортации, играл в прятки с смертью. За месяц с небольшим до освобождения Брюсселя союзниками Нуссбаум с женой были отправлены в Аушвиц. В последнем эшелоне смерти.

...

С некоторыми оговорками его фигуративные, предметные картины можно отнести к „новой предметности“, одному из направлений немецкого искусства двадцатых-тридцатых годов двадцатого века, не избежал он и влияния „метафизической живописи“ Джорджо де Кирико и Карло Карра. Подражал Ван Гог, Арнольду Бёклину, Раулю Дюфи и многим другим.

Корифеями „новой предметности“ были: Отто Дикс, Александр Канольдт, Георг Шольц, Георг Гросс, Рудольф Шлихтер, Кристиан Шад, Карл Хуббух, загадочно пропавший Фред Гольдберг, Конрад Феликсмюллер, Макс Бекман, Франц Радзивилл и другие. Почти все картины, созданные Феликсом Нуссбаумом в „долагерный“ период (до 1940 года) не могут сравниться по качеству живописи, экспрессии и драматизму с лучшими работами этих мастеров.

Однако, в последние, кошмарные, четыре года своей жизни Феликс Нуссбаум создает несколько хороших картин.

Эти картины, порожденные смертельным страхом, эти опыты сублимации – не только замечательная, плотная живопись, они – свидетельство очевидца, художественный документ необыкновенной силы.

Нуссбаум не рисовал ИХ. Он рисовал только их жертвы. Себя, свою жену, свою племянницу Марианну, десятилетнего еврейского мальчика Ягуи, рисовал

товарищей по несчастью в лагере Сант-Кюприен, создавал трагические образы-типажи, показывал страх, скорбь и ужас гонимых, затравленных, оболганных, обреченных на смерть людей...

Эта работа помогла ему прожить эти страшные четыре года.

...

Войти в историю мирового искусства ТАКОЙ ЦЕНОЙ вовсе не входило в планы художника Феликса Нуссбаума. До своего вынужденного невозвращения на родину в 1933 году он писал как правило красочные веселые дерзкие картины. Только изредка его жизнелюбие, переплавленное в краски, омрачалось известной меланхолией, присущей смертным существам, не лишенным воображения и чувствительности.

Судьба ЗАГНАЛА еврея-художника не только в брюссельское убежище под крышей, но и на верхний этаж творческой иерархии. Туда, куда невозможно взойти, не заплатив за это кровью или рассудком, куда не приведет ни талант, ни интеллект, ни многолетний подвижнический труд, туда, где бессильна эстетика, где композиция и колорит рождаются не как эксперимент или дерзкое вождение творца, а как жуткая НЕОБХОДИМОСТЬ. Туда, где нет места живописным прелестям и гламуру. Туда, где не поможет ни философия, ни самообман. Где ничто и никто не поможет. В подлинный мир. Который есть ни что иное, как Страшный Суд, чинимый над нами злодеями и мертво равнодушной, безглазой и глухонемой природой. Суд, приговор которого всем нам известен заранее. Суд, на котором нам ставится в вину само наше существование. Где нет ни Бога, ни защитника, ни надежды.

...

Картины последних лет не были для Нуссбаума „развлечением“ в предчувствии тошного ужаса газовой камеры. Они были средствами, машинами для развертывания, расширения метафизического пространства, работавшими во то время, когда реальное жизненное пространство художника зловеще сужалось. Они были его дыханием, последними чудесными актами формо-и-образо-творения.

Перед тем, как и формы и образы исчезли и все сожрала пустота вечности.

Прощанием с красками, кистями, холстами и людьми, с братьями и сестрами в

смерти...

Перед тем, как художник начал свой перпендикулярный потоку жизни путь...

Смерть стояла за плечом художника, и эта костлявая муза помогла ему создать работы, которые сровняли его с великими мастерами прошлого...

Да, Нуссбауму удалось, в этот последний, предсмертный период своей жизни, пусть и не классическими методами, достичь уровня классиков. Несмотря на то, что ему приходилось спешить, несмотря на погрешности и недоделки. Несмотря на наивность, неумелость, недостаток материалов и дрожащие руки...

...

Мне кажется, что искусство Нуссбаума должно особенно заинтересовать русскоязычного читателя. Русской культуре известны только словесные свидетельства жертв отечественных массовых преследований – это „Крутой маршрут“ Евгении Гинзбург, „Колымские рассказы“ Шаламова, „Житие протопопа Аввакума“, „Воспоминания“ Надежды Мандельштам, „Реквием“ Анны Ахматовой, „Окаянные дни“ Бунина итд... Исключение из этого правила – творчество Шостаковича, лучшая музыка которого была по его словам реквиемом по убиенным.

Пластических или живописных памятников-свидетельств почти не осталось. Потому что все конфисковывалось и уничтожалось лицемерными жестокими властями.

Русского художника почти всегда тянуло или в помпезный, ложный историзм (Суриков), или к березкам (Левитан) или прямо к Богу в рай (иконы). Редкие, не пошлые, мастера-реалисты рисовали конечно горькую русскую правду („Тройка“ Василия Перова – куда более точный образ России, чем гоголевская „Тройка“.) Но мастера эти еще до революции были отеснены куда более привлекательным, сладко-декадентским „миром искусства“, бесчеловечным „конструктивизмом“ и лестным для неумеек и шарлатанов „абстракционизмом“...

Послереволюционное советское искусство было, за редчайшими исключениями, настолько лживо и подло, что о нем и говорить противно. Особенно гнусно обошлась и советская власть и советское искусство с жертвами фашизма и сталинизма. Последних для него просто не существовало. А первых – или

„заделывали“ героями-памятниками вроде Зои Космодемьянской или злобно не замечали (миллионы военнопленных, жителей оккупированных территорий, убитых немцами евреев итд).

Поэтому жертвы в России как бы и образа не имеют. Они – кости, тени, призраки. Мертвяки. С которыми власти-последыши до сих пор ведут особую, подлую войну, чтобы они – не дай Бог – не воскресли и не потребовали наказать миллионы здравствующих палачей и доносчиков или их отпрысков... Чтобы они не показали свои раны, свои кости новым гнусным начальничкам и оболваненному спившемуся населению...

Общественное лицемерие, презрительное равнодушие к жертвам, повальная жестокость, распространившиеся как чума в России в путинское правление, в сочетании с вконец дезориентированным искусством – гарантии того, что жертвы останутся теньями.

...

На родине Феликса Нуссбаума, в Оснабрюке, для его работ построен специальный музей, в который водят школьников, куда приезжают люди со всего света. Действует общество друзей творчества художника. О нем написаны и прекрасно изданы толстые искусствоведческие и биографические книги. В театре идет посвященная ему пьеса.

Шарманщик на улице Архимеда

На этой картине, законченной Феликсом Нуссбаумом в июле 1943-о года (жить художнику осталось год и месяц), изображены только два живых существа – шарманщик и муха, сидящая на правой стороне шарманки.

Сквозь красноватую каменную мостовую прорываются в пространство картины два скелета. Один, в правой части картины, изнемог от прорыва сквозь тяжелые камни, его ноги и таз обрели однако странную самостоятельность, отделились от верхней половины и решили погулять по пустынной улице, другой, слева, потерял череп с полным набором здоровых зубов, он тянет в сторону шарманщика свою костлявую руку.

Скелеты эти – вовсе не демоны Смерти, это воскресающие мертвые, жертвы... Шарманщик стоит или сидит со своим музыкальным инструментом на середине улицы, уходящей за его спиной в бесконечность. Точки схода перспективы-судьбы – в его черепе. Кошмарная улица (в которой узнаются черты улица Архимеда в Брюсселе) – мертва.

Окна домов – без стекол, на стене справа – следы крови (как они попали туда – на второй и третий этаж?), из некоторых окон торчат самодельные черные флаги – знаки траура, гибели, черной Смерти. Флаги эти висят уже давно – от них остались лишь обрывки, это черные тряпки, рванина. Их полоскание на ветру – единственные звуки, доносящиеся из чрева этой „картины-ужаса“. Не флаги – черные паруса смерти.

На страшной улице веет ветер – он несет белые клочки газеты, приносящей несчастному Феликсу Нуссбауму в его мансарду страшные известия о злодеяниях сошедшего с ума мира.

В здании справа из окна торчит столб с обрывком укрепленной на нем колючей проволоки, второй столб валяется на мостовой. Вот оно что! Это не просто мертвая улица, это – бывшее гетто или лагерь. И не бубонная чума свирепствовала в этом городе, а коричневая... Камни мостовой покраснели от крови.

Небритый шарманщик, внешне схожий с художником, опирается на свою грубо сделанную шарманку – у этой штуковины отсутствует ручка, которую следует крутить, вместо органных трубок человеческие кости (еще одна милая фантазия зигфридов?) – но не касается ее, шарманку покрывает небрежно на нее брошенное зеленоватое пальто. Шарманщик снял его не потому, что на улице жарко или тепло, а потому что там никак. Погода, температура – все это осталось в прошлом. Настоящее ускользающе мало, а будущего нет.

Мертвая улица манифестирует внутренний мир обреченного художника, последнее его пристанище. Пристанище, которое он со странным предсмертным упрямством воссоздавал на всех картинах последних лет.

Она – декорация его отчаянья, кулиса его Страшного суда. Символ его экзистенциального одиночества.

Перед лицом смерти – каждый одинок, не только запуганный до смерти

нелюдями-фашистами еврей. Замолкла шарманка, музыка жизни. Цивилизация надломилась как дорическая колонна. Люди – в который уже раз – разделились на жертв и палачей. И выживут только палачи и предатели. Тошно!

Солнце не светит в метафизических мирах. Только холодный свет небытия заливает улицу. В небе нет ни птиц, ни ангелов, его закрывает серый шатер сатаны, в высоте реют несколько маленьких белых облачков – эти клочки небесной ваты, испарения последних мыслей.

По улице души не бегут прохожие, не едут автомобили, в домах не живут люди.

Только небритый фантом – „я“ торчит там со своей дьявольской шарманкой...

Для него и улица, и город, и мир – это лагерь смерти.

...

Шарманщик стоит в центре картины, в центре улицы, в центре своего мучительного мира.

Его руки и лицо превратились в очертания, в контуры, он лишился плоти, лишился бытия. Ему не страшны вылезавшие из тяжкого земляного нутра нашей планеты скелеты, он не боится палачей и больше не скорбит об их жертвах – и страх и скорбь присущи жизни, а он потерял жизнь и надежду.

Он не смотрит на зрителя, не обвиняет, не жалуется. Косность материи не спасает его от тупиков идеализма. Мир не завлекает его своими певучестями, не соблазняет соблазнами.

Он понимает животом и костями, что не только для палачей-нацистов, но и для природы и для всего мира – его жизнь, его тело, его упования – не больше чем жизнь, тело и упования навозной мухи.

И это больше не печалит его.

Для него уже началось то щемящее, что ждет каждого из нас.

Его не оглушает равнодушие, не пугает забвение, не отвращает больше пресная влага небытия...

Дополнение

ИСТОРИЯ С ПЛОХИМ КОНЦОМ

(биография Феликса Нуссбаума)

1904

11 декабря: Феликс Нуссбаум родился в небольшом уютном западно-немецком городе Оснабрюк в состоятельной либеральной еврейской семье.

Его отец, Филипп Нуссбаум (1872-1944), предприниматель, торговал скобяными товарами, а в свободное время – пел шансоны и рисовал. Он поощрял увлечение своего младшего сына живописью и рисунком. Привил ему любовь к творчеству Ван Гога. Всю жизнь переписывался с сыном и, пока мог, поддерживал его материально.

Мать – Рахель Нуссбаум (1873-1944), урожденная Ван Дик.

Старший брат – Юстус Нуссбаум (1901-1944). Пошел по стопам отца, перенял от него дело.

На семейной фотографии 1915 года Юстус – на полторы головы выше Феликса. В сапогах, при галстукке, решительный, сильный, спортивный, уверенный в себе старший брат, скептически смотрит в сторону. Маленький Феликс в смешных штиблетах улыбается камере (вечности). Полноватая мадам Нуссбаум – в шляпке с искусственными цветами. Чувствуется, что она крепко держит семью в руках.

Отец, служивший в первую Мировую войну шофером, несколько залихватски, но с достоинством, сидит на старинном обеденном столе. Много лет, до самого запрета членства евреев в подобных организациях в нацистскую эпоху, Филипп Нуссбаум состоял членом кавалеристского общества Оснабрюка. Уходя, оставил бывшим товарищам патетические стихи, в которых клялся в вечной любви к Германии.

1910-1922

Феликс Нуссбаум учится в начальной еврейской школе, затем в реальной гимназии в Оснабрюке. Учитесь плохо, вынужден брать дополнительные уроки. Видимо, не понимает, что от него хотят и зачем все это...

1922

Бросает гимназию.

1922/23

Учится живописи и графике в Гамбургской школе прикладного искусства.

1923

Летний семестр – в классе Вилли Йекеля в частной школе живописи и скульптуры Левина-Функе в Берлине.

1924

В классе Людвиг Майднера (бывшего не только наставником Нуссбаума, но и его другом, знаменитого экспрессиониста, прославившегося своим апокалиптическими городскими пейзажами, предвосхитившими ужасы первой и второй Мировых войн) знакомится с польской портретисткой Фелкой Платек (1899-1944).

Зимний семестр – в классе Цезаря Кляйна в берлинской школе свободных и прикладных искусств.

1928-1930

Ученик Ханса Майда. Работает в предоставленной ему мастерской. Живет с Фелкой Платек в небольшой квартире на улице Ксантенер в районе Шарлоттенбург в Берлине.

1930-1932

Феликс Нуссбаум – свободный художник в Берлине.

1932-1933

Живет и работает на вилле Массимо в Риме, вначале как гость, позже – как стипендиат Прусской академии искусств.

Декабрь 1932: Пожар в берлинском ателье (сданном на время пребывания в Риме знакомым) уничтожает около 150 живописных работ Нуссбаума.

1933

30 января: Национал-социалисты приходят к власти в Германии.

15 мая: Другой стипендиат виллы Массимо – Ханс Хубертус фон Мерфельдт – дает Нуссбауму пощечину (он считает, что Нуссбаум украл идею его картины).

17 мая: Оба отчисляются и покидают виллу Массимо, несмотря на то, что фон Мерфельдт извинился, а Нуссбаум принял извинения.

Из-за целенаправленных репрессий нацистов Филипп Нуссбаум (отец художника) вынужден продать виллу в Оснабрюке.

В конце года Феликс Нуссбаум встречается в Монте Карло с доктором Фритцем Стайнфельдом, эмигрирующим в Палестину. Доктор Стайнфельд пытается уговорить Нуссбаума последовать его примеру. Нуссбаум не соглашается.

Полагаю, ехать в Палестину наотрез отказалась Фелка, с трудом выдравшаяся в Западную Европу из бедного и грязного варшавского гетто и не желающая попадать в новое, ближневосточное...

Фритц Стайнфельд оставил замечательные воспоминания о Нуссбауме, которого знал с Оснабрюка и с которым часто встречался в берлинский период художника.

1934

В Рапалло встречается с родителями, живущими с начала 1934 года в Швейцарии.

1935-1937

Нуссбаум в Париже, позже в Остенде (Бельгия). Нуссбаум и Фелка получают вид на жительство в Бельгии.

Отец и мать Нуссбаума возвращаются в Германию, поселяются в Кёльне.

Совершить эту фатальную ошибку их заставила тоска по родине. Они надеются укрыться от преследований в большом городе.

1935-1944

Нуссбаум и Фелка живут в Бельгии (с сентября 1937 в различных меблированных комнатах в Брюсселе).

1937

6 октября: Феликс Нуссбаум женится на Фелке Платек.

Властная мать Феликса Нуссбаума никогда не признавала „повисшую на сыне“ бедную еврейку Фелку. Богатые родственники не приглашали ее к себе в гости. Нуссбаум как мог отстаивал честь и достоинство своей подруги, но оформить с ней брак не решался долгие десять лет. Фелка отомстила Рахели – написала на нее в бельгийскую эмиграционную службу анонимный донос, чтобы предотвратить эмиграцию родителей Феликса в Бельгию и воссоединение с сыном.

Родители Нуссбаума эмигрируют незадолго до начала Второй мировой войны в Нидерланды.

Бельгийские власти отказывают Фелке и Феликсу Нуссбаум в предоставлении гражданства, но продлевают вид на жительство.

1940

Май: Немецкие войска оккупируют Бельгию. За несколько дней до занятия ими Брюсселя бельгийские власти арестовывают Феликса Нуссбаума и отправляют его как „нежелательного иностранца“ в концентрационный лагерь Сант-Кюприен (на берегу Средиземного моря, недалеко от Пиренеев).

Август-сентябрь: Феликсу Нуссбауму и его школьному другу Георгу Майеру удается подкупить стражу и бежать в Бордо во время мнимого возвращения на родину. Нуссбаум возвращается в Брюссель.

24 декабря: Нуссбаум заносится в официальный список евреев города Брюсселя.

1942

Нуссбаумы живут в смертельном страхе ареста и депортации в Аушвиц. Супруги живут бедно, почти в полной изоляции. Есть все основания полагать, что они, усилиями бельгийского Сопротивления и еврейского подполья, точно знают, что за евреями на всех завоеванных немцами территориях идет садистская охота, что евреи не „переселяются“ в восточные земли, а уничтожаются в лагерях смерти.

Август-сентябрь: Феликс и Фелка Нуссбаумы находят убежище в квартире бельгийского скульптора Дольфа Леделя и его жены.

1943

Конец марта: Ледели вынуждены покинуть свою квартиру и скрыться в сельской местности. Ледели настойчиво уговаривают Нуссбаумов вместе с ними покинуть Брюссель – но Нуссбаумы возвращаются в дом на улице Архимеда, владельцы которого, связанные с бельгийским Сопротивлением, оборудуют для них убежище в мансарде под крышей. На третьем этаже этого дома – под мансардой – старая квартира Нуссбаумов, содержащаяся так, чтобы пришедшие с обыском или с целью ареста нацисты убедились – да, тут давно никто не живет.

Отказавшись скрыться вместе с Леделями, благополучно пережившими нацистскую оккупацию (Дольф умер в 1976-м году), Нуссбаум в который уже раз отказывается от своего спасения. Сохранившееся письмо-благодарность Нуссбаума Леделям проливает свет на обстоятельства этого отказа. В вынужденной коммунальной тесноте Фелка поссорилась с женой Дольфа, дружеская атмосфера была отравлена ссорой, дальнейшая совместная жизнь была бы для обеих пар невыносимой.

1942-1944

Нуссбаум живет на улице Архимеда, 22 и работает в мастерской на улице Генерала Гратри, 23. Каждый раз, когда он идет из дома в мастерскую и обратно, – он рискует жизнью.

1944

Февраль: Мать и отец Нуссбаума умерщвляются в Аушвице.

18 апреля: Нуссбаум оканчивает свою итоговую картину „Триумф смерти“.

20 июня: Нуссбаума и его жену арестовывают в мансарде дома на улице Архимеда. Есть все основания считать, что их выследил и предал бывший „друг“, брюссельский любитель искусства, сотрудничавший с гестапо. Доносы на прячущихся в Брюсселе евреев поощрялись немецкими властями специальными премиями.

Сосед снизу видел немецких солдат, оцепивших их дом и часть улицы

Архимеда, слышал доносившиеся из мансарды „страшные крики“ во время ареста.

Супругов Нуссбаум доставляют в сборный лагерь в Мехелене.

31 июля: Фелку и Феликса Нуссбаум отправляют в Аушвиц в последнем „эшелоне смерти“.

2 августа: Феликс Нуссбаум и его жена прибывают в Аушвиц. Точных данных о том, когда и как они были умерщвлены, нет.

6 сентября: София Герда Нуссбаум (жена Юстуса, брата художника) умерщвляется вместе с дочерью Марианной в Аушвице. В декабре того же года в лагере Штутхоф нацисты убивают и Юстуса Нуссбаума.

Все картины и рисунки Феликса Нуссбаума, не сгоревшие в пожаре его мастерской, сохранились. Рукопись романа Феликса Нуссбаума, который он, по его словам, писал начиная с итальянских скитаний, попала к соседям, но была ими утеряна. Не сохранились и многочисленные письма художника к отцу.